

Лингвистические новации и внешняя политика Китая

© 2015

О.И. Завьялова

Языковая политика, которая включает не только внутреннюю, но также внешнюю составляющую, была после длительного перерыва возрождена Китаем только в начале XXI в. С 2004 г. официальный китайский язык *путунхуа* и традиционную китайскую культуру распространяют по всему миру в качестве «мягкой силы». В 2013 г. начался новый этап использования лингвистики для решения задач внешней политики. Он обязан своим появлением стратегии Си Цзиньпина «Один пояс – один путь» и предусматривает активное изучение языков окружающих Китай стран наряду с трансграничными языками народов КНР.

Ключевые слова: языковая политика КНР, языки окружающих стран, языки народов КНР, трансграничные языки, Великий шелковый путь, Синьцзян.

Иероглифическая письменность и китайский язык издавна использовались Поднебесной как средство расширения цивилизационного влияния в странах Восточной Азии. На иероглифах и письменном языке *вэньянь* была основана культура Японии, Вьетнама, Кореи. В языках этих и других стран, соседствующих с Китаем, сохраняются китайские заимствования, появившиеся, прежде всего, в периоды усиления китайского государства. Китайские иероглифы присутствуют в современных текстах на японском и корейском языках (в Южной Корее). Во Вьетнаме была разработана особая иероглифическая письменность на основе китайской для записи текстов на вьетнамском языке, китайские иероглифы до сих пор можно увидеть на вьетнамских изделиях прикладного искусства.

На протяжении двадцатого столетия государство и лингвисты-реформаторы – как в период Китайской Республики, так и в КНР – были вынуждены направить свои языковые усилия внутрь страны, на ее модернизацию и укрепление единства. Языковая политика, которая включает не только внутреннюю, но также активную внешнюю составляющую, вновь инициирована Китаем только в начале XXI в. С 2004 г. официальный китайский язык *путунхуа* и традиционную китайскую культуру активно распространяют по всему миру в качестве «мягкой силы» с помощью Институтов и «классов» Конфуция. К концу 2014 г. их число достигло 476 и 851, и это уже вызвало беспокойство в некоторых странах, где высшие учебные заведения стали отказываться от продления контрактов с Институтами Конфуция¹.

В 2013 г. начался еще один этап использования лингвистики для решения задач внешней политики. В его основе лежит стратегия «Один пояс – один путь», провозглашенная Си Цзиньпином осенью 2013 г. «Ближняя внешняя политика Китая достигла этапа всестороннего развития, с каждым днем возрастает ценность языковой стратегии», – подчеркивают китайские лингвисты. – «Изучать языки окружающих стран чрезвычайно важно для обеспечения безопасности государства»².

«Ключевые» языки окружающих стран

Объектом пристального внимания китайского педагогического и лингвистического сообществ становятся языки, на которых говорят в 29 странах, окружающих Китай. Первой в списке «самых близких» среди этих стран стоит Россия. За ней следуют Монголия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Бутан, Бирма, Лаос, Южная Корея, Япония, Филиппины, Малайзия, Бруней, Индонезия, Сингапур, Северная Корея, Вьетнам. В списке числятся также Узбекистан, Туркмени, Турция, Иран, Бангладеш, Шри-Ланка, Таиланд и Камбоджа. Задача осложняется тем, что число разных языков и диалектов в соответствующем ареале приближается к тысяче, он относится к числу самых разнообразных в языковом отношении. Поэтому лингвисты отберут среди множества языков наиболее важные, которые отнесут к «ключевым»³.

В ноябре 2013 г. на базе Пекинского университета языков (*Бэйцзин юйянь дасюэ*) образован Координационный инновационный центр языков и культур окружающих стран. Его задача – разрабатывать внешнюю языковую стратегию государства, координировать изучение языков и культур, готовить специалистов, способных как исследовать «ключевые» языки, так и практически владеть ими. При университете создана Лингвистическая академия, включающая несколько специализированных институтов. В работе над проектом принимают участие десятки ученых из других учреждений, в том числе из военного Института иностранных языков НОАК, Центрального института народов Китая, Института этнографии и антропологии и Института языкознания АОН Китая. Фирмы, занимающиеся разработкой речевых технологий, создадут на «ключевых языках» интернет-ресурсы, которые станут важной составляющей «мягкой силы». Извне проекту будут помогать функционирующие за рубежом Институты Конфуция⁴. В последнее время преподавателям этих институтов предписано хорошо ориентироваться в стране преподавания, овладевать местными языками и знать обычаи тех стран, в которых они работают⁵.

В еще одном известном учебном заведении, Пекинском университете иностранных языков, в начале 2015 г. создан Исследовательский институт Шелкового пути. В университете уже преподают 67 языков, в 2015 г. к ним добавили новые «ключевые» – монгольский, тамильский, бенгальский и тагальский. К 2020 г. общее число преподаваемых в институте языков достигнет ста за счет «ключевых». К числу «ключевых» отнесен и русский язык⁶. В северо-восточных, восточных и северо-западных районах Китая не хватает говорящих по-русски специалистов, вакансии в компаниях, сотрудничающих с Россией, иногда остаются незанятыми. Китайские и российские педагоги уже начали совместно обсуждать проблему расширения преподавания в Китае русского языка. Закрытые в годы советско-китайской конфронтации факультеты и кафедры русского языка заново открываются в разных провинциях и городах. Русистика, в том числе политология и прикладные исследования, переживает «второе дыхание»⁷.

Среди «ключевых» – языки народов КНР

Сухопутная граница КНР составляет 22 тыс. км, из них 19 тыс. приходится на районы проживания национальных меньшинств. Официальный список народов КНР включает, помимо численно доминирующих китайцев-ханьцев, 55 этносов. В качестве отдельных национальных меньшинств в него входят говорящие на различных китайских диалектах мусульмане-хуэйцзу и маньчжуры, до последнего времени считавшиеся полностью утратившими родной язык (небольшое число носителей маньчжурского языка, как выяснилось уже в период «реформ и открытости», до сих пор сохраняется на северо-западе страны). Некогда переселенные в Синьцзян сибинцы, которые по сути дела говорят на диалекте маньчжурского языка и официально используют маньчжурскую письменность, считаются при этом отдельным народом с отдельным языком⁸. Напротив, некоторые небольшие группы, прежде всего (но не только) говорящие на близких разновидностях язы-

ка (идиомах), официально объединены в один народ. В целом по подсчетам китайских лингвистов, 55 национальных меньшинств используют 120 языков и 22 вида письменных систем⁹. В списке до сих пор не учтены данные, полученные в ходе исследований последних десятилетий. Так, в нем отсутствуют тувинцы, живущие в Синьцзяне, или юньнаньские *кхму*, язык которых относится к мон-кмерской ветви австроазиатской семьи¹⁰. Не включены в перечень также хайнаньские *чамы*, которые насчитывают несколько тысяч человек, исповедуют ислам и предположительно говорят на одном из австронезийских языков¹¹.

Политика КНР в отношении языков, которые распространены на севере страны и особенно вблизи границ с Россией, в последнее время привлекает внимание не только китайских, но также отечественных исследователей¹². Из множества языков национальных меньшинств Китая 33 числятся трансграничными. Русский, монгольский, казахский, корейский, киргизский и узбекский языки являются языками большинства в соседних странах и явно попадают в китайский список «ключевых». В числе трансграничных языков, численно доминирующих в соседних странах, китайские лингвисты называют также таджикский и язык *цзин*. К таджикам в КНР относят небольшие группы, которые живут на западе Синьцзяна и говорят на восточноиранских памирских языках – сарыкольском и ваханском. Язык *цзин* – это предположительно диалект вьетнамского языка со значительным влиянием местных китайских диалектов, его носители проживают на юго-востоке КНР¹³.

Особый интерес как политически, так и лингвистически представляет ареал Великого шелкового пути. Вдоль его китайских участков жили в прошлом и живут в настоящее время десятки разных народов, говоривших и говорящих на разных языках и использовавших разные виды письма. Современный китайский отрезок «Экономического пояса Шелкового пути» протянулся через всю территорию КНР с востока на запад, от морского порта Ляньюньган на побережье Желтого моря до внешних границ Синьцзян-Уйгурского автономного района. Лингвистически вся эта территории до сих пор объединена китайскими диалектами Центральной равнины. Именно на этих диалектах говорили предки председателя КНР Си Цзиньпина, которые жили сначала в провинции Хэнань, а затем в уезде Фупин, расположенном в провинции Шэньси. Именно эти диалекты вместе с близкими им диалектами Лань-Инь (ланьчжоуско-иньчуаньскими) во второй половине XIX в. были привнесены китаеязычными мусульманами *хуэйцзу* в Российскую империю, где этих людей стали так же, как в Синьцзяне, называть дунганами.

Среди «ключевых» явно оказались некоторые языки народов Синьцзяна, ведь сам этот автономный район с недавнего времени также именуется «ключевым» в пределах «Экономического пояса Шелкового пути». В Синьцзяне живут 21,8 млн человек, говорящих на десятках языков разных семей. Синьцзянские официальные сайты выпускаются либо на китайском, либо на уйгурском языке, использующем в Синьцзяне арабо-персидское письмо. Финансируемый из бюджета синьцзянский новостной сайт «Тяньшань» ориентирован на внешний мир¹⁴. Помимо китайского, здесь присутствуют английский, русский и турецкий языки. Уйгурам, живущим в Синьцзяне, сайт предлагает тексты в записи арабо-персидским письмом. Те же уйгуры, живущие по соседству в Казахстане, могут воспользоваться кириллицей. Желаящим предоставляется также возможность прочесть уйгурские тексты в том латинизированном варианте, который был разработан и одно время использовался в КНР. В то же время казахские новости даны только арабо-персидскими буквами, но не кириллицей, пока доминирующей в Казахстане. Возможно, это сделано в расчете на казахов-оралманов, переехавших из Китая в Казахстан в последние годы. Впрочем, местные языки следует использовать не только в пропаганде, рассчитанной на внешний мир, подчеркивают китайские лингвисты. Внутрикитайское информационное радиовещание на уйгурском, казахском, монгольском, узбекском, киргизском языках ограничено по времени и содержанию, в то время как западные радиостанции вещание на этих языках наращивают. Соответствующую проблему, также связанную с обеспечением безопасности страны, надо срочно решать.

Повышенное внимание Китая к обеспечению стратегии «Одного пояса – одного пути» иллюстрируется не только объемом привлекаемых финансовых, организационных и пропагандистских ресурсов. Обширное лингвистическое сопровождение этой стратегии говорит о ее долгосрочном характере, явно рассчитанном на многие десятилетия. Исследования и знание «ключевых» языков, в том числе распространенных по обе стороны государственных границ, будет все более востребованным с учетом быстро расширяющихся контактов в рамках «Экономического пояса Шелкового пути».

1. Еще свыше 200 университетов более 70 стран мира подали заявки на создание институтов Конфуция. URL: http://russian.news.cn/culture/2015-01/13/c_133916016.htm; D. Volodsko. China's Confucius Institutes and the Soft War. URL: <http://thediplomat.com/2015/07/chinas-confucius-institutes-and-the-soft-war/>.
2. Го Фэнлань. Гуаньчжу Чжунго чжоубянь юйянь: [Уделять внимание языкам в странах, окружающих Китай] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2014 г.] Пекин, 2014. С. 90.
3. Там же. С. 83.
4. Там же. С. 90.
5. См., например: Ван Цзинбо. Изменение языковой политики Китая и новые требования к работающим за границей китайским преподавателям // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16–18 октября 2013 г. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 442–444.
6. К 2020 году в ПУИЯ будет преподаваться более 100 иностранных языков. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0329/c31517-8870716.html>.
7. В Китае наблюдается растущий спрос на выпускников вузов, умеющих говорить по-русски. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0402/c31517-8872899.html>.
8. Биньвэй юйянь вэньти: [Проблема исчезающих языков] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2005 [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.] Пекин, 2006. С. 286; Лю Хоушэн. Мань юйвэнь дэ цянцзю, чуаньчэн юй иньюн: [Спасение, передача следующим поколениям и употребление маньчжурского языка] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014. С. 139–143; Gorelova L.M.. Manchu Grammar. Leiden, 2002.
9. Юйянь юй гоцзя: [Язык и государство] / Чжао Шицзюй (ред). Пекин, 2015. С. 66.
10. Чжоу Цинцзэн. Куацзин шаошу миньцзу юйянь чжуанкуан: [Ситуация с трансграничными языками национальных меньшинств] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2013: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2013 г.] Пекин, 2013. С. 141.
11. Ни Дабай. Хайнаньдао Санья хуэйцзу юйянь дэ сишу: [Идентификация языка хуэйцзу, живущих в Санья на острове Хайнань] // Миньцзу юйвэнь. 1988. № 2.
12. Ср. например: Гутин И.Ю. Русские в КНР // Азия и Африка сегодня. 2011. № 10. С. 50–56; Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 140–143; Актамов И.Г. Этноязыковые процессы в многонациональных государствах: общемировые тенденции и государственная образовательная политика (на примере Республики Бурятия РФ и Автономного района Внутренняя Монголия КНР) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 1. С. 3–9; Е.Н. Апраксин. Проблема Внутренней Монголии в контексте права пользования родным языком // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 2. С. 15–19. См. также: Гулева М.А., Гутин И.Ю. Языковая политика КНР в отношении национальных меньшинств // Филологические науки в МГИМО. 2014. С. 31–39.
13. Чжоу Цинцзэн. Указ. соч. С. 144.
14. Ван Чжицзюань, Чжао Сяобин. Шаошу миньцзу юйвэнь ванчжань сяньчжуан: [Современная ситуация с сайтами на языках национальных меньшинств] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014. С. 144–151; Тяньшаньван (Сайт «Тяньшань»). URL: www.ts.cn.